

Содержание

Предисловие	8
-----------------------	---

Часть I. 1957–1961

Глава 1. Белые штaketные заборчики	24
Глава 2. Кто соперницы?	43
Глава 3. Писатель. Человек. Женщина	63
Глава 4. Хлопотный эксперимент	81
Глава 5. Я прошла!	99

Часть II. 1961–1963

Глава 6. Примы института	124
Глава 7. Мы просто разговариваем	149
Глава 8. Стипендиатки	162
Глава 9. Эквиваленты	184
Глава 10. Я, я тоже	195
Глава 11. В восторге от идеи	205
Глава 12. Гении своего рода	217

Часть III. 1964–1974

Глава 13. Во что бы то ни стало	236
Глава 14. У нас все получится	248
Глава 15. Уязвленная нетерпеливая растерянная злая.	267

Глава 16. Нет ничего плохого в привилегиях, да только не всем они доступны	283
Глава 17. Источники творчества	300
Глава 18. Новая экзотика	317
Глава 19. Где же мой дом?	326
Эпилог	347
Благодарности	355
Примечания	358
Указатель имен	381

Моим родителям

Предисловие

Летом 1962-го поэтесса Энн Секстон много плавала. За несколько месяцев до публикации второй книги, на пороге славы, она могла успокоиться только в воде. Когда было достаточно тепло для купания, Энн выходила из дома, раздевалась донага и соскальзывала в бассейн на заднем дворе. Она наслаждалась солнцем, гладкостью воды, тишиной утра. Со двора открывался вид на старую железную дорогу, а на периферии зрения, за старыми, покатыми холмами с площадками для гольфа, держа путь в бостонскую гавань через Ньютон-Лоуэр-Фолс, текла река Чарльз.

Джой и Линде — маленьким дочерям Секстон — не нравилось, что их мама купалась голышом. Но летом детей часто не было дома: они проводили время с няней или свекровью Секстон, которая нередко помогала за ними приглядывать. Чтобы работать, Энн нужно было время: хотя она серьезно занялась поэзией только пять с половиной лет назад, по собственной прихоти, ее первый сборник заслужил восторженные отзывы критиков. Собратья по перу уважали Секстон; некоторые из них верили в ее будущий успех. Секстон была прирожденным оратором: эта грациозная женщина с длинными стройными ногами и узкими бедрами неизменно имела успех у слушателей поэтических чтений. Но при этом Энн была лабильной и тревожной: она нуждалась в частом отдыхе от материнских обязанностей, в возможности расслабиться, чтобы избежать срывов. Так что в то лето по утрам Секстон спокойно плавала из одного конца восьмиметрового бассейна в другой.

За ритуальным поклонением солнцу обычно следовали занятия поэзией. Энн экспериментировала с новыми стихами, редактировала старые, писала письма. Одним из главных

проектов того лета для нее стал разбор правок следующего авторского сборника стихов. Издание второй книги Секстон было запланировано *Houghton Mifflin* на октябрь; уважаемый поэт Роберт Лоуэлл, друг и в прошлом учитель Энн, уже дал согласие на то, чтобы она процитировала некоторые из его хвалебных отзывов. Будь у Секстон желание, она могла бы поехать на Гарвардскую площадь в Кембридже и заняться разбором правок в доме с остроконечным фасадом, где она и еще двадцать три женщины, у каждой из которых был свой небольшой офис, творили, учились и работали. Но Секстон предпочитала работать дома, особенно теперь, когда она могла, к радости мужа, заниматься не только за обеденным столом.

Домашний кабинет Энн построили прошлым летом. В письме другу она назвала это помещение деревянной башней, возведенной там, где прежде располагалось крыльцо. В «башне» было одно широкое окно, выходящее на задний двор. Сидя за столом, Секстон могла видеть сосны и голубые холмы, но, работая, она отворачивалась от окна: «Природа... становится мне врагом», — объяснила поэтесса. Иногда за работой Энн сидела в офисном кресле с прямой спинкой, но чаще, положив ноги на один из многочисленных книжных шкафов, располагалась на красном стуле с мягкой обивкой¹. Она могла часами сидеть в таком положении, черпая вдохновение из собранных на полках произведений великих писателей, со многими из которых — например, Кафкой, Рильке и Достоевским — познакомилась совсем недавно и многих из которых полюбила. Однажды Секстон призналась в одном из писем: «Я запасаюсь книгами. Они — люди, которые меня не покинут»².

У работы из дома было еще одно преимущество. Секстон жила всего в нескольких минутах езды от своей лучшей подруги, поэтессы Максин Кумин. Высокая, стройная и темноволосая Кумин на первый взгляд могла показаться сестрой-близнецом Секстон, но затем наблюдатель замечал ее спортивное телосложение, глаза со слегка нависающими веками, угловатое лицо. Она тоже жила в пригороде, была матерью и издала сборник стихов. Кроме того, Кумин стала для Секстон главным источником эмоциональной и творческой поддержки.

В начале 1960-х жизни поэтесс были прочно переплетены: подруги каждый день говорили по телефону — иногда о своем писательском опыте, а иногда просто о жизни. Они по очереди присматривали за детьми и подносили коктейли мужьям. А когда Секстон установили бассейн, у подруг появилась отрадная привычка, которая позволила сочетать работу и игру. Кумин привозила детей поплавать, женщины садились на край бассейна с пишущими машинками на коленях и, болтая ногами в воде, вместе работали над детской книгой, с удовольствием ненадолго отвлекаясь от своих взрослых сочинений³. И хотя обычно Секстон тяготили общественные мероприятия, зачастую она была рада компании Кумин, с которой чувствовала себя комфортно.

Но, как правило, по утрам Кумин занималась детьми у себя дома, и Секстон могла насладиться одиночеством. Тем летом в дообеденное время Энн была предоставлена сама себе, никто не требовал ее внимания — ни муж, ни дети, ни свекровь, ни даже подруга. Весь прекрасный, волшебный день принадлежал ей одной.

И в этих летних днях всё — бассейн, работа, одиночество, вторая книга, еще одно место, где Секстон могла писать, и даже дружба с Кумин — появилось в результате нового эксперимента в сфере высшего образования для женщин. Осенью 1960-го в престижном женском колледже Рэдклифф — школе, которая в то время являлась одной из «Семи сестер» Гарварда, — открылась не имеющая аналогов стипендиальная программа для членов чрезвычайно широкого, но при этом маргинализованного класса американцев: матерей. Микробиолог Мэри Полли Инграхам Бантинг, президент колледжа Рэдклифф, инициировавшая создание этой стипендии, говорила, что Рэдклиффский институт независимых исследований был основан для того, чтобы избавиться от существующего в середине XX века «климата заниженных ожиданий»⁴ по отношению к американским женщинам. По мнению Бантинг, большинство блестящих студенток колледжей отказывались от мечты стать научными работниками или художниками лишь потому, что не представляли, как можно заниматься исследованиями или писать книгу, одновременно посвящая себя семье и хозяйству. Новая программа

была призвана вернуть «интеллектуально сегрегированным женщинам» возможность заниматься любимым делом⁵.

Каждой женщине, принятой Институтом на должность «младшей научной сотрудницы», полагалась стипендия в размере до 3000 долларов (эквивалент 25 000 долларов в наши дни) на любые траты. Кроме того, каждая женщина получала доступ к библиотечным фондам Гарварда и отдельный кабинет — ту самую «свою комнату» — в небольшом желтом доме номер 78 на Маунт-Оберн-стрит, всего в нескольких кварталах от Гарвард-Ярд. Будучи матерью четырех детей, Бантинг полагала, что большинство женщин хочет найти способ сочетать профессиональные интересы и семейную жизнь: сама президент Рэдклиффа самые счастливые годы своей жизни провела, воспитывая детей на маленькой ферме в Коннектикуте, откуда дважды в неделю ездила на работу в лабораторию Йельского университета. Как ученый секретарь и реформатор системы образования, Бантинг признавала роль, которую институты играют в поддержке профессиональных амбиций женщин. Она понимала, что нельзя просто приказать женщинам, чтобы они усердно работали и продолжали учиться, не предоставляя им для этого инструменты и ресурсы.

Об основании Института объявили 19 ноября 1960 года. *The New York Times* разнесла новость по стране в статье «Новаторская стипендия Рэдклиффа для одаренных женщин». И телефон в офисе Бантинг стал разрываться от звонков. За десять дней на стол секретаря президента Института приземлилось более 160 писем с поздравлениями и вопросами⁶. После того как процесс подачи документов был формализован, Институт получил почти 200 заявок от женщин со всей страны; остальным заинтересованным соискательницам отказали, поскольку они не обладали надлежащей квалификацией. В сентябре 1961-го Рэдклифф предложил первой группе из двадцати четырех выдающихся женщин, среди которых были Секстон и Кумин, доступ к ресурсам, которые были им необходимы для достижения поставленных целей: стипендию, рабочее пространство и, что особенно важно, членство в не имевшем аналогов за всю историю Америки профессиональном и творческом сообществе женщин.

Представьте себя среди «одаренных женщин», принятых в Институт на заре 1960-х. Быть может, вы закончили один из колледжей «Семи сестер» или нашли подработку в Нью-Йорке после получения диплома. Возможно, вы даже работали на антигитлеровскую коалицию, пока ваш муж служил за границей. Но вскоре после бомбежки Японии ваши перспективы трудоустройства растаяли. Солдаты вернулись домой, и им была нужна работа или места в магистратуре и аспирантуре, чтобы занять должность получше. В Советском Союзе конструировали ракеты, над миром нависла ядерная угроза, а вам сообщили, что больше всего пользы стране вы принесете, занимаясь устройством счастливого быта.

И теперь, по общему мнению, у вас жизнь как с картинки: обеспеченный муж, розовощекие детки и «Бьюик» у дома. Но что-то не так. Вас не занимают домашние дела; дети вызывают не восторженную улыбку, а вспышки раздражения. Вас беспокоит, что вы совсем не похожи на женщин со страниц глянцевого журнала: тех самых, что с упоением намывают кухню и пекут пироги (глядя на такую рекламу, домохозяйка и журналистка-фрилансер Бетти Фридан «думала, что с ней что-то не так, потому что не получала оргазма от натирания полов воском»)⁷. А все и вся только подтверждают, что, как вы и подозревали, проблема именно в вас. Вы сексуально озабочены, вы фригидны, вы чересчур образованны, вы невежественны. Вам нужно к психологу; вам нужно принимать побольше антидепрессантов. Вам стоит научиться лучше готовить (со всеми этими новомодными кухонными штучками!), а пока радуйтесь тому, что у вас есть, будьте за это благодарны. В 1950-х общественное давление на некоторых женщин было столь велико, что им приходилось уничтожать в себе любые несоответствия таким «нормам».

Но женщины вроде Секстон и Кумин не желали отказываться от того, чем жили и горели. Не хотела этого ни Тилли Олсен из Сан-Франциско, коммунистическая профсоюзная деятельница, планировавшая написать великий пролетарский роман, ни художница-портретистка Барбара Свон, выросшая в Ньютоне и учившаяся в одной из лучших художественных школ Бостона, ни Марианна Пинедра, родившаяся в Эванстоне

(штат Иллинойс) и, перед тем как поселиться в Бруклине (штат Массачусетс), учившаяся во множестве американских и европейских мастерских. Каждая из этих пяти женщин выиграла конкурс на поступление в Институт в течение первого или второго года его существования. Финалистки собрались в Кембридже, где встретились с историками и психологами, композиторами и учеными, поэтами и художниками — и все они были женщинами.

Многие стипендиатки Института не были в подобном женском сообществе со времен учебы в Вассаре или колледже Сары Лоренс. Другие — включая Секстон, которая не имела высшего образования — испытывали подобное чувство сопричастности впервые. В Институте женщины могли не думать о домашних обязанностях и детях и просто быть мыслящими личностями среди других себе подобных — по крайней мере до ужина. Основательница Института часто называла его лабораторией. Он также был инкубатором, в котором женщины могли развиваться.

Результаты этого, как выразилась Бантинг, «хлопотного эксперимента» превзошли самые смелые ожидания. Институт действительно изменил жизни стипендиаток, одна из которых даже назвала его своим «спасением»⁸. Каждой из писательниц и художниц, о которых говорится в этой книге, Рэдклифф предоставил крайне важную возможность бывать наедине с собой, при этом оставаясь частью сообщества, — то есть создал идеальные условия для творческого роста.

Эти женщины впервые оказались среди единомышленниц. Они говорили обо всем, начиная от лучших издателей и заканчивая отвратительнейшими семейными ссорами. Они читали произведения друг друга и сотрудничали в разных проектах. И так многие женщины обнаружили, что проблемы, с которыми, как им казалось, сталкивались только они, — вечное отсутствие мужа, неубывающая куча работы по дому, снисходительность коллег-мужчин — на самом деле были распространены и даже структурными. Другими словами, с женщинами все было в порядке, а вот с миром, похоже, оказалось что-то не так.

Институт стал местом развития феминистского искусства и мысли. Писательницы и художницы поддерживали друг в друге стремление выразить женский опыт во всей его сложности и многогранности. В лирической поэзии для стипендиаток не существовало табуированных тем; в своем творчестве они обращались ко всем аспектам женской природы. В Научные сотрудницы обсуждали текущие вопросы феминистской полемики, Бантинг помогла Фридан с написанием «Загадки женственности», и книга была опубликована в течение второго академического года существования Института. Кроме того, резидентки Института выступали с первыми критическими замечаниями в адрес идеологии зарождающегося женского движения. Всегда ли материнство было формой угнетения? Все ли женщины, вне зависимости от расы или класса, страдают одинаково? Может ли женщина действительно иметь всё и сразу? Стипендиатки помогали друг другу в поиске возможных ответов на эти важные вопросы. Вместе эти женщины научились принимать самих себя всерьез; а после, уже за стенами Рэдклиффа, настояли на том, чтобы все в мире относились к ним так же. В 1969 году активистка феминистского движения Кэрл Ханиш придумала лозунг «Личное — это политическое», который стал ассоциироваться со второй волной феминизма⁹. Между тем сотрудницы Рэдклиффа открыли для себя эту истину еще в начале шестидесятых.

Эта книга повествует о небольшой группе писательниц и художниц, группе, которая стала связующим звеном между 1950-ми и 1960-ми — декадой изоляции женщин и декадой их освобождения. Опираясь на истории карьеры, дружбы и творчества, я расскажу, как и почему в 1960-х в Америке возродилось феминистское движение. Но помимо этого речь пойдет об особенностях, внутренней жизни и конфликтах моих героинь. О содержательных, своеобразных, построенных на любви и соперничестве отношениях, которые налаживаются между женщинами, — тех самых отношениях, что так часто остаются неизученными и даже незамеченными.

За два года в Институте, с осени 1961-го и до поздней весны 1963-го, Секстон и Кумин встретили многих «интеллектуально

сегрегированных женщин», которые были в восторге от возможности немедленно приступить к занятиям. Они познакомились с историками, учились у психологов и внимали исследователям образования. Подруги тесно общались с тремя другими женщинами, которые получали стипендию Института первые два года: писательницей Тилли Олсен, художницей Барбарой Свон и скульптором Марианной Пинедой. Впятером эти женщины объединились в дружескую группу по интересам. Посмеиваясь над критериями отбора Института, согласно которым кандидаткам нужно было обладать докторской степенью или ее «эквивалентом» в творческих достижениях, они так и назвали свою группу: «Эквиваленты»^{*}.

Члены этой группы разительно отличались друг от друга. Яркая и эмоционально нестабильная Секстон, БАСП (белая англосаксонская протестантка) из богатой семьи, не скрываясь писала о том, как переживает психическое заболевание и тяготы материнства, хотя и беспокоилась, что эти темы не позволят ей достичь успеха. Кумин сочиняла лаконичные, формалистские стихотворения о природе. Она была еврейкой из Филадельфии, везде ощущала себя лишней и мечтала уехать из пригорода Бостона куда-нибудь в Нью-Гэмпшир, но боялась оставить Секстон, ведь это могло привести к ужасным последствиям. Харизматичная и увлеченная активистка Олсен в 1930-х публиковала оригинальные репортажи и художественную прозу. Стипендию Рэдклиффа Олсен получила в пятьдесят лет и надеялась, что, будучи резиденткой Института, наконец напишет великий пролетарский роман, в котором расскажет о важности каждой человеческой жизни. Свон была художницей из пригорода Бостона, училась в Школе бостонского музея изящных искусств и получила трэвел-грант на занятия

* Думаю, самое время поблагодарить Миддлбрук, написавшую единственную биографию Энн Секстон, за то, что вдохновила меня на создание этой работы. Насколько я знаю, Миддлбрук — единственная писательница и исследовательница, которая обратила внимание на взаимодействия этих пяти женщин в Институте. Ее эссе *Circle of Women Artists: Tillie Olsen and Anne Sexton at the Radcliffe Institute*, основанное на биографии Секстон, очень повлияло на меня.

живописью в Европе. Художница создавала портреты и автопортреты, раскрывающие характер натурщиков. Пинедда начала карьеру скульптора еще подростком и зарабатывала на жизнь своим творчеством. Ее уникальные фигуративные скульптуры в натуральную величину запечатлевали беременность, роды и материнство.

Каждая из этих женщин поступила в Институт в ключевой момент своей творческой карьеры. До конца не верящая в успех своей первой книги Секстон хотела стать, как она сама выражалась, «долгосрочным» поэтом¹⁰. В Институте она написала свой лучший поэтический сборник и почувствовала уверенность в себе и своем предназначении. Кумин, которая тоже недавно вступила на творческий путь, вернулась в Институте к своим академическим интересам и стала экспериментировать с разными жанрами; вскоре после получения стипендии она написала первый из трех романов и стала известна не только как поэт, но и как писатель. Для Олсен, у которой было четверо детей, Институт стал спасением от обременительных рабочих и домашних обязанностей, местом, где она надеялась дописать свой масштабный роман. Именно в Рэдклиффе она создала нечто гораздо более важное: революционную теорию о том, как материальное угнетение повлияло на литературный канон. А Свон давно хотела поэкспериментировать с художественными материалами помимо карандаша и масляных красок, но до поступления в Институт у нее не было времени и ресурсов для занятий литографией. Пинеду же, по ее словам, увлекала «мифологическая» женственность, и в Институте художница создала серию статуй пифий¹¹.

Годы, проведенные в Рэдклиффе, стали переломным моментом в жизни каждой из художниц. Ни до, ни после неуравновешенная и продуктивная Секстон не имела возможности работать так же плодотворно и умиротворенно. Энн даже показалось, что, может быть, она больше не нуждается в лечении. Однако когда Секстон покинула Институт, у нее случилось обострение, она могла писать только урывками и была вынуждена вновь обратиться за помощью к врачу. А Кумин именно в Институте задумалась о том, как привнести в свою жизнь

больше умиротворения. Во время стажировки она начала искать, куда бы сбежать из бостонского пригорода с его пагубными для творчества социальными обязательствами. Максин купила ферму в Нью-Гэмпшире, и это кардинально изменило ее жизнь и карьеру. Олсен сдержала обещание, данное несколько десятков лет назад: исследования и писательский труд, которым она посвятила время в Рэдклиффе, принесли ей литературную известность. За годы в Институте из наемной работницы она превратилась в знаменитую писательницу. Свон и Пинедо, двум компанейским женщинам, привыкшим работать в одиночестве, Институт дал возможность реализоваться в творческом союзе и вернул их в художественное сообщество. Свон, которая в дальнейшем называла годы в Рэдклиффе «настоящим поворотным пунктом»¹² своего творческого пути, начала сотрудничать с поэтами (позже она иллюстрировала книги своих друзей и оформляла для них обложки), а Пинедо, вдохновившись женщинами, с которыми познакомилась в Институте, приступила к созданию важной серии скульптур, одна из которых впоследствии займет место во дворе Рэдклиффа. Институт предоставил Эквивалентам убежище, а затем, на горе и на радость, вытолкнул обратно в мир.

Отношения Секстон и Кумин прошли проверку временем как самые крепкие и стабильные. Их история и легла в основу моей книги. Этот тесный творческий и дружеский союз возник еще до институтских времен — женщины договорились подать документы на стипендию одновременно, но скрывали знакомство друг с другом от администрации Рэдклиффа — и не прекратился после того, как Секстон и Кумин перестали быть резидентками Института. Их дружбу не сломили карьерные взлеты и падения, переезды, эмоциональные кризисы и развод. Конечно, эти отношения не всегда были радужными: иногда Кумин уставала от требовательности Секстон, а Энн, особенно в последние годы жизни, не могла предоставить своей надежной подруге столь желанной свободы. Именно из-за таких неоднозначностей и сложностей больше всего времени я трачу на изучение связи между этими двумя женщинами, опираясь на информацию, почерпнутую из их интервью, писем

и хвалебных эссе, посвященных творчеству друг друга. Кумин и Секстон оставили нам богатый архив своей дружбы, взаимной любви и слов, выражающих эти чувства.

«Эквиваленты» — первая книга, рассказывающая историю появления Рэдклиффского института независимых исследований*. Это одно из важнейших событий в истории американского феминизма, которое, тем не менее, часто упускают из виду. Принято считать, и не без основания, что вторая волна феминизма началась в 1963-м после публикации «Загадки женственности» Бетти Фридан. Оживленная полемика Фридан, в которой писательница называет пригородный дом, этот символ американского успеха, «уютным концентрационным лагерем», отозвалась в сердцах многих женщин, которые писали автору «Загадки» письма, полные восхищения и благодарности; согласно данным историка Стефани Кунц, «было продано около шестидесяти тысяч экземпляров книги в твердом переплете, что впечатляет и по нашим меркам, и около полутора миллионов экземпляров в мягкой обложке»¹³. Через три года после публикации книги Фридан с группой единомышленниц организовала Национальную организацию женщин (NOW), и они стали агитировать за гражданские права женщин и отстаивать их. Так началось крушение барьеров: была легализована контрацепция, вводились реформы в отношении аборт, а женщины стали подавать в суд за дискриминацию по половому признаку. К тому времени, как в конце 1960-х появились

* Некоторые исследователи обсуждали Институт, обычно в трудах о женщинах, которые были с ним связаны. Например, такие биографы, как Миддлбрук, Пантея Рид (автор биографии Тилли Олсен), Элейн Яффе (автор биографии о Мэри Инграхам Бантинг) и Эвелин Эфан (автор биографии Элис Волкер), описывают Институт и его значимость для их героинь. Сам Институт опубликовал несколько историй, например: *Smith A. C. Radcliffe Institute, 1960 to 1971. Cambridge, 1972; Fanger I., Pappas M. Voices and Visions: Arts at the Mary Ingraham Bunting Institute, 1962–1967. Cambridge, 1997*. Все эти истории очень полезны для исследователей, но в большинстве своем воспевают и продвигают Институт, и их нельзя назвать объективными. В своей книге об Институте я постаралась объективно взглянуть на сильные и слабые стороны Рэдклиффа и при этом попытаться увидеть его глазами стипендиаток и сотрудников.

радикальные феминистские группы, «освобождение женщин» уже шло полным ходом.

Однако в этой истории нет ни слова о том, как на рубеже 1950–1960-х — в годы, которые могут показаться мертвой зоной освободительной политики — женщинами-преобразовательницами, педагогами и художницами, порой неосознанно, были заложены основы феминистского протеста*. За редким исключением, женщины Рэдклиффского института не считали себя революционерками. А некоторые — даже феминистками. Они не были бунтарками. Они пока не творили историю. Но их искреннее стремление к самовыражению позволило тем, кто пришел после них, вершить более масштабные, более смелые перемены. Поэзия Секстон, которую часто называли исповедальной, позже вдохновила разгневанных молодых женщин выйти на улицы. Лекции Олсен о проблемах материнства в рядах трудящихся ошеломили публику; ее занятия по литературе о бедности радикализировали факультеты английского языка в колледжах. Фридан, которая сначала пригласила Бантинг совместно работать над «Загадкой женственности», а потом столкнулась с трудностями в написании книги после ее ухода, вероятно была рада успехам бывшего соавтора.

История Института также связана с богатой историей феминистской мысли о творчестве и интеллектуальном труде. В 1929 году Вирджиния Вулф опубликовала эссе «Своя комната», написанное на основе двух лекций, прочитанных ею

* Историки труда и историки феминизма продуктивно опровергали такое понимание ситуации послевоенных лет. Книга Дороти Сью Коббл *Other Women's Movement: Workplace Justice and Social Rights in Modern America* (Princeton, 2004) показывает, как женские трудовые организации функционировали в середине века. Эссе, собранные в *Not June Cleaver: Women and Gender in Postwar America, 1945–1960*, под редакцией Джоан Мейеровиц (Philadelphia, 1994), также демонстрируют, как медсестры, сторонницы легализации абортов, битники, иммигранты и активисты меняли гендерные нормы в те времена. Стефани Кунц занималась вспомогательным проектом *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap* (New York, 1992); она развеивает многие мифы о жизни в середине XX века. Я перечислила лишь некоторые книги в этой области.

в октябре 1928-го в женских колледжах Кембриджского университета. Название книги — часть утверждения, которое Вулф приводит в начале эссе: «У каждой женщины, если она собирается писать, должны быть средства и своя комната». Остаток эссе Вулф посвящает описанию обескураживающего дня, который некая женщина проводит в «Оксбридже» (гибриде Оксфорда и Кембриджа): она пытается подготовиться к предстоящей лекции, но ей все время мешают. Женщину прогоняют с газона, не пускают в библиотеку, и ей приходится есть черт-те что на ужин, потому что в комнате подруги ей ужинать не позволяют. В эссе подчеркивается важность материальных ресурсов для писателей и интеллектуалов: Вулф пишет о «той атмосфере цивилизованности, радушия, достоинства, которая приходит только с комфортом, роскошью, привычкой к уединению», — и, возможно, именно благодаря этой идее эссе так широко известно. Кроме того, Вулф мечтает о женском содружестве и о поддержке, которую могли бы оказывать друг другу женщины разных поколений. Сидя рядом с подругой, рассказчица представляет себе альтернативную историю, в которой мать этой подруги зарабатывала бы деньги вместо того, чтобы рожать тринадцать детей:

Если бы только наши матери научились в свое время великому искусству делать деньги и завещали их потом своим дочерям на звания и стипендии, как это делали для своих сыновей отцы... будущее представлялось бы нам надежным и безоблачным благодаря какой-нибудь высокооплачиваемой профессии. Мы бы исследовали, писали, бродили бы по древним уголкам земли, сидели бы у подножия Парфенона или шли бы к десяти на службу, а в половине пятого спокойно возвращались бы домой, чтобы немного посочинять стихи¹⁴.

Вулф мечтала, чтобы женщины жили как мужчины-писатели и мужчины-ученые, которые поддерживают интеллектуальный рост друг друга. Институт воплотил эту мечту в реальность.

Я узнала об Эквивалентах, когда мне еще не было и тридцати. Тогда я почти получила докторскую степень по английскому и размышляла о будущем. Карьера мужчины, с которым я встречалась, была в большем приоритете, чем моя

собственная. Как ребенок *girl power* 1990-х, я была уверена, что могу реализовать интеллектуально и посвятить себя карьере, имея при этом счастливую семью. Я могу это сделать, и я это сделаю! И все же я не могла избавиться от ощущения, что мне придется выбирать между профессиональными устремлениями и материнством. Моя мать, несмотря на поддержку супруга, с трудом совмещала карьеру и семью. Мысли о воспитании потомства наполняли меня ужасом.

Одиноко сидя в библиотеке Рэдклиффа, там же, где когда-то бродили Эквиваленты, я заглядывала в папки и просматривала документы прежних лет. Так я узнала о женщинах, которые не могли найти для своих детей приемлемое дошкольное учреждение. О женщинах, которые боялись социального осуждения за то, что оставляют детей одних, а сами эгоистично уходят на работу и учебу. О ревнивых мужьях, снисходительных учителях-мужчинах и ненаписанных книгах, положенных на алтарь семейного счастья. И я все приняла к сведению.

Позже я наткнулась на старые кассеты с записями семинаров, которые были сделаны в первые годы существования Института. Прошло пятьдесят пять лет, а я слышала звон бокалов и шелест оправляемых юбок. Я чувствовала себя так, словно открыла потерянный, но странно знакомый мир. Я слушала, как Кумин очаровывает зрителей историями о вечно недовольной дочери-подростке, которая мстит, насмехаясь над книгами матери. Я слушала, как Секстон читает свои стихи звонким, громким голосом, ничем не выдающим ее повышенной социальной тревожности. Я слушала Свон, которая с легким бостонским акцентом шутила об «изнурительном труде» литографов. Я слушала серьезные рассуждения Пинеды о важной роли скульптуры в истории. А еще я слушала, как Олсен описывает проблемы баланса между материнством, работой на полной ставке и писательской деятельностью. Она рассказывала, как мало времени проводила наедине с собой, как была вынуждена писать в общественном транспорте и поздней ночью. В тот момент я почувствовала: быть в библиотеке одной — невероятное везение, а еще большее везение заключается в том, что мой парень живет в другом городе.

Прошли годы. Я рассталась с бойфрендом, я получила степень. Я побывала в других библиотеках: в Остине (штат Техас), Нью-Хейвене (штат Коннектикут), Пало-Альто (штат Калифорния), Вашингтоне. Я продолжала читать: дневники, письма, рукописи, кулинарные книги и счета. Я узнавала о сложностях, связанных с поиском достойного детского дошкольного учреждения, о материнском чувстве вины, неоплаченных долгах и нереализованных мечтах. А еще я читала о том, как эти пять женщин дарили друг другу помощь, поддержку и понимание. Среди писем встречались и такие, в которых дошедшая до предела отчаяния женщина отвечала подруге словами, полными ревности или ярости. Я сама испытала и надежду, и ярость. Гендерная революция, начавшаяся десятилетия назад, пока еще не завершилась. Так много изменилось с тех пор, как Эквиваленты прошли через Рэдклифф-Ярд: официально принят Раздел IX Поправок об образовании*, женщины-руководители встречаются в списке Fortune 500, а на страницах национальных журналов хвалят книги женщин-писательниц. Но исследование за исследованием сообщают, что в гетеросексуальных парах женщины все еще выполняют большую часть работы по дому. По данным на 2018 год, на каждый заработанный мужчиной доллар женщина получает чуть более восьмидесяти центов¹⁵. До сих пор не существует доступных всем государственных детских дошкольных учреждений.

Мы все еще ищем решения, все еще боремся за них. И, как весной 2016-го сказала мне одна из первых стипендиаток Рэдклиффа, женщины все еще нуждаются в институциональной поддержке. Им нужны места, где они смогут найти единомышленниц и вдохновение, и материальная помощь, чтобы воплотить свои мечты. Эта история о том, чего более пятидесяти лет назад добились пять женщин. В каком-то смысле эта история о том, как они изменили мир. А еще она о том, сколько всего еще предстоит сделать.

* Согласно этому разделу 1972 года, дискриминация по признаку пола в государственных школах и колледжах объявлена вне закона.—*Примеч. пер.*